

Это—романтика реальности. Какъ всегда, изъ самыхъ будничныхъ подробностей, изъ натуралистической прозы вырастаетъ у Толстого высокое таинство, идеальное величіе. Вообще, заслуживалъ бы специального изслѣдованія Толстой-романтикъ. Вѣдь замѣчательно, что въ его безстрашный реализмъ, нисколько его не разрушая, вплетаются романтическія нити. И у него онъ производятъ болѣе и болѣе убѣдительное впечатлѣніе, чѣмъ у всѣхъ романтиковъ литературы. Недовѣрчивый ко всякому эффеクトу и позѣ, неумолимо снимая съ жизни ея нарядъ и парадъ, больше всего дорожа „простымъ, комнатнымъ“ лицомъ и пренебрегая героями красавыми, онъ все-таки самъ не однажды живописуетъ красоту и торжественность отдѣльныхъ моментовъ; и ужъ если онъ ихъ пишетъ, то вѣришь ему всей душою, и она радостно, не сомнѣваясь, заслуженно празднуетъ этотъ праздникъ исключительной возвышенности. Все поэтическое и плѣнительное, все необыкновенное и вознесенное, напримѣръ, эта дама въ бѣломъ платьѣ и съ перлами, въ которую изъ незамѣтной глубины своего оркестра влюбился бѣдный скрипачъ Альбертъ, или сборъ винограда въ „Казахахъ“, „не хорошенъкая, но красавица“ Марьяна, соловьи и сирени, или вотъ эта скорбно-прекрасная и величественная смерть Авдеева,—весь этотъ чудный романтизмъ у Толстого вызываетъ преимущественное довѣріе, потому что онъ прошелъ черезъ испытующее горнило аскетически-правдиваго